

Германский фашизм у власти. Причины и перспективы.

Довольно обычная ссылка на отсталость стран, давших место диктатуре, сейчас уже во всяком случае не годна: если с известной натяжкой ее можно было распространить на Италию, то никак не на Германию, наиболее развитую капиталистическую страну в самом сердце Европы.

Общая историческая причина крушения демократий состоит в том, что капиталистический строй пережил себя: скопившиеся в нем противоречия, национальные и интернациональные, прорывают оболочку демократии, как мировые противоречия взрывают декоративные сооружения Лиги Наций.

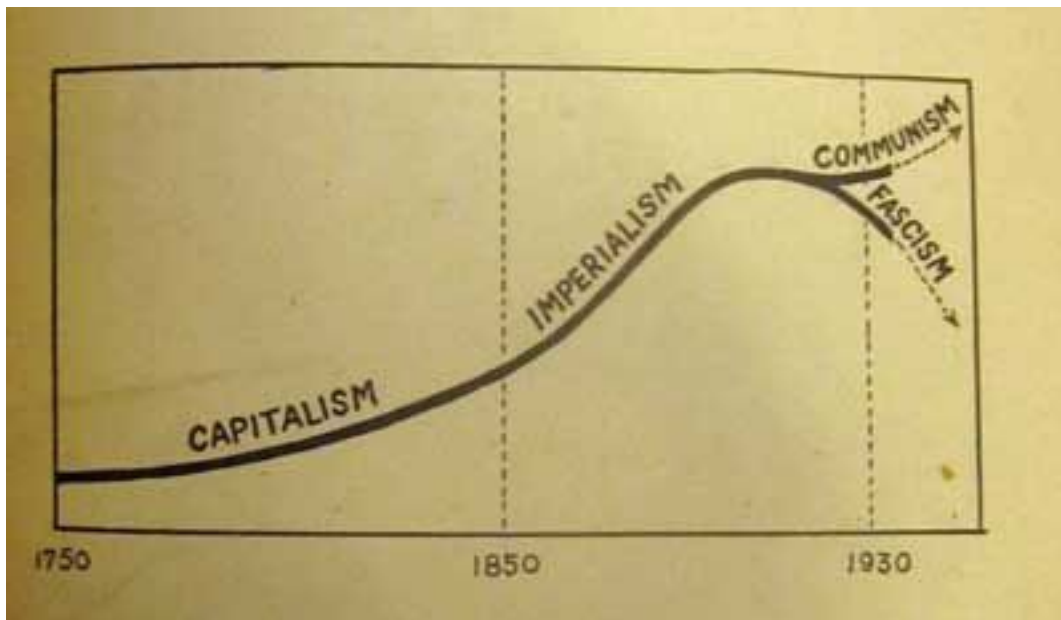
Где прогрессивный исторический класс оказывается неспособен овладеть властью, чтобы перестроить общество на основах социализма, агонизирующий капитализм может поддерживать свое существование лишь все более грубыми, антикультурными методами, крайним выражением которых является фашизм. Эта историческая концепция порождена не победой Гитлера. В феврале 1929 г. я писал в американском издании:

«По аналогии с электротехникой демократия может быть определена как система выключателей и предохранителей против слишком сильных токов национальной или социальной борьбы. Ни одна эпоха человеческой истории не была и в отдаленной степени так насыщена антагонизмами, как наша. Под слишком высоким напряжением классовых и международных противоречий выключатели демократии плавятся или взрываются. Такова суть короткого замыкания диктатуры».

Оппонентам, ссылавшимся на то, что процесс захватил только периферию культурного мира, я возражал:

«Сила внутренних и мировых противоречий не ослабевает, а растет... Подагра начинается с мизинца или с большого пальца ноги, но, раз начавшись, доходит до сердца».

Американский писатель Скотт Ниринг в брошюре, посвященной фашизму, дает очень простое и очень яркое графическое выражение историческим тенденциям капиталистического развития, которое с начала нынешнего столетия все больше упирается в альтернативу: коммунизм или фашизм? Я воспроизвожу здесь диаграмму Ниринга.

60-тистраничная брошюра беспартийного социалиста Scott Nearing "Fascism" была написана в конце 1932 г. или в январе 1933 г., еще до прихода Гитлера к власти.

Для очень многих выбирать между большевизмом и фашизмом примерно то же, что между сатаной и Вельзевулом. Но на этот счет я затрудняюсь сказать что-нибудь утешительное. XX век войдет, очевидно, как самый беспокойный и беспощадный век в памятную книгу человечества. Кто из наших современников требует от истории прежде всего спокойствия и комфорта, тот выбрал себе плохое отечество во времени. Движение Гитлера, поднявшее на ноги 17 миллионов отчаяний, выражает безнадежность капиталистической Германии в упадочной Европе, которую Версальский мир окончательно превратил в сумасшедший дом, забыв снабдить ее смирительными рубашками. Победа партии отчаяния оказалась возможной только потому, что социализм, партия надежды, оказался бессилён овладеть властью. Немецкий пролетариат достаточно многочислен и культурен, чтобы справиться с такой задачей. Но руководящие им партии оказались несостоятельны.

Социал-демократия с отличающей ее консервативной ограниченностью надеялась, в союзе с другими парламентскими партиями постепенно «воспитать» фашизм. Роль главного дрессировщика она поручила гогенцоллернскому фельдмаршалу Гинденбургу, отдав ему свои голоса. Движимые правильным инстинктом рабочие стремились к борьбе. Социал-демократия сдерживала их, обещая дать сигнал тревоги, когда Гитлер «окончательно» покинет легальный путь. Так социал-демократия не только сама призвала через посредство Гинденбурга фашистов к власти, но и позволила им произвести государственный переворот по частям.

Совершенно ложна была политика коммунистической партии. Ее руководство исходило из того абсурдного соображения, будто социал-демократия и национал-социализм представляют собою две «разновидности фашизма», будто они, по злополучной формуле Сталина, «не антиподы, а близнецы». Что социал-демократия, как и фашизм, стоит на защите буржуазного режима от

пролетарской революции, совершенно бесспорно. Но методы, какими они разрешают эту задачу, совершенно несовместимы. Социал-демократия немыслима без парламентаризма и массовых рабочих организаций, политических и профессиональных. Миссия же фашизма состоит в том, чтобы разгромить и то, и другое. На этом антагонизме надо было построить политику оборонительного союза между коммунистами и социал-демократами. Но слепые вожди отвергли такую политику. Рабочие оказались перед лицом наступающего врага расколоты, безоружны, без плана и без перспектив. Деморализуя пролетариат, такое положение повышало самоуверенность фашизма.

Два с половиной года тому назад, в сентябре 1930 г., мы писали:

«Фашизм стал в Германии реальной опасностью, как выражение острой безвыходности буржуазного режима, консервативной роли социал-демократии по отношению к этому режиму и накопленной неспособности коммунистической партии опрокинуть этот режим. Кто это отрицает, тот слепец или фанфарон».

Эту мысль мы развивали в ряде брошюр, вышедших в течение последних лет в Германии. Так, в октябре 1931 года мы писали:

«Приход национал-социалистов к власти означал бы прежде всего истребление цвета германского пролетариата, разрушение его организаций, искоренение в нем веры в себя и свое будущее. В соответствии с гораздо большей зрелостью и остротой социальных противоречий в Германии, адская работа итальянского фашизма показалась бы, вероятно, бледным и почти гуманным опытом по сравнению с работой германского национал-социализма».

Сталинская фракция объявила эту оценку «панической». Из необъятной политической литературы, посвященной этому вопросу, сошлюсь здесь только на речь официального вождя немецкой коммунистической партии, который на пленуме Исполнительного комитета Коминтерна в апреле 1931 года следующими словами разоблачал так называемых пессимистов, т.е. людей, умевших заглядывать вперед: *«Мы не дали паническим настроениям сбить нас с пути... Мы трезво и твердо установили, что 14 сентября (1930 [г.]) было в известном смысле лучшим днем Гитлера и что дальше последуют не лучшие, а худшие дни. Та оценка, которую мы давали развитию этой партии, подтверждена событиями... Сегодня у фашистов уже нет поводов смеяться».*

Этой цитаты достаточно.

Так, при ничтожестве германской буржуазной демократии фашизм был приведен к власти совокупными усилиями руководителей двух рабочих партий.

Правительство Гитлера сразу взяло крайне энергичные темпы. Оно обещает подвергнуть коммунистов воспитательному действию концентрационных лагерей. Не успев еще приступить к этой задаче, которая окажется гораздо труднее при

выполнении, чем в замысле, Гитлер обещает искоренить заодно и социал-демократию, т.е. разрешить в неизмеримо более трудных условиях ту задачу, которая оказалась некогда не по силам Бисмарку, а затем Вильгельму II.

Политическая армия Гитлера — это чиновники, служащие, лавочники, ремесленники, всякие вообще промежуточные и проблематические существования; в социальном смысле они представляют человеческую пыль.

Парадокс состоит в том, что Гитлер при всем своем «антипарламентаризме» неизменно сильнее в парламентской плоскости, чем в социальной. После каждого нового подсчета голосов фашистская пыль остается пылью. Между тем рабочие объединены в самом процессе производства. В их руках наиболее концентрированные производственные силы нации. Борьба Гитлера за овладение государством только начинается.

Главные трудности еще впереди. Даже перелом торгово-промышленной конъюнктуры к лучшему изменит соотношение сил не в пользу Гитлера, а в пользу пролетариата. Уже простое сокращение безработицы создаст прилив самочувствия в рабочей среде. Слишком туго сжатая пружина начнет расправляться. После чрезвычайного ухудшения положения рабочих за годы кризиса можно с уверенностью ждать широкого размаха экономических боев.

Главные трудности для Гитлера еще впереди, как и главные бои. Захватить вышку радиостанции легко. Стать хозяином на дне шахты гораздо труднее. Победа пролетариата еще вполне возможна. Но при неременном условии правильной стратегии.

На интернациональной арене дальше жестов и фраз Гитлер в ближайший период пойти не сможет. Ему придется вести слишком долгую и кровавую войну внутри Германии, чтобы он мог всерьез думать о войне против Франции. Наоборот, он будет изо всех сил доказывать Франции и другим капиталистическим государствам необходимость для них поддержать его в его провиденциальной миссии: борьбе против большевизма. Через те или другие колебания внешняя политика фашистской Германии целиком направится против Советского Союза. По этой линии внутренняя война может естественно перейти во внешнюю войну.

Л. Троцкий

Принкипо, 10 марта 1933 г.